

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 182 - 196.

Иван Петрович был еще сравнительно молод, но уже в достаточной степени строг и справедлив. Всегда безукоризненно и солидно одетый, с серьезным лицом, украшенным модною бородкой-клинушком, с бесстрастным взглядом холодных глаз, с почтительной, хотя и твердой речью -- он был гордостью начальства, надеждою всего департамента.

Этому многообещающему молодому человеку не доставало только эффектного случая, чтобы окончательно завоевать будущее, но так как он находился под особенным покровительством судьбы, то и случай не замедлил представиться. Его превосходительство пришел однажды в департамент мрачнее тучи и быстрыми шагами проследовал в кабинет, таинственно кивнув по дороге головою Ивану Петровичу.

Иван Петрович вошел твердой поступью, с приятным и открытым видом, исполненным немедленной готовности. Начальство обвило его рукою за талию и полу дружески, полупокровительственно увлекло в амбразуру окна. Здесь оно с расстановкой надело пенсне, приподняло вверх брови, сделало нижней губой значительную мину и взяло двумя пальцами пуговицу сюртука своего подчиненного. Все эти признаки, ничего не значащие в глазах непосвященного, предвещали, однако же, что разговор примет несколько таинственный характер.

-- ...Мм... Видите ли, голубчик, -- произнес генерал внушительным тоном, -- вам предстоит очень серьезное поручение... Пусть оно будет вашим, так сказать, э... как это называется?.. Ну, подводным камнем, что ли?

Иван Петрович понял настоящую мысль своего начальника и молча поклонился.

-- Получил я на днях анонимное письмо. Извольте взглянуть... Раскрывают злоупотребления... Вы понимаете, каково наше положение? С одной стороны, нельзя без внимания оставить, но ведь и гласности предать невозможно. А? Напишешь, да потом и сам не рад будешь, как всякая гадость на свет божий полезет. Вы понимаете, в этом деле так, с бухты-барахты нельзя ведь; нужно уметь... э... как это называется?..

-- Лавировать, ваше-ство?

-- Именно, именно... Вот вы и поезжайте... Не то чтобы официально, а, так сказать, негласным образом... Ну, да вы сами знаете, как там... Письмецо это с собой захватите на всякий случай!.. В нем довольно обстоятельно все изложено...

Иван Петрович поехал. Путешествие было продолжительное, и он имел довольно времени, чтобы обдумать план предстоящих действий. В душе он очень одобрял начальство за то, что оно именно ему, а не кому другому, поручило это щекотливое дело. Это не докладную какую-нибудь составить: приходится лавировать между оглаской и правосудием. Иван Петрович в подобных случаях незаменим (по правде сказать, это был первый случай в его жизни, потому что он очень недавно вышел из одного привилегированного заведения). Он наблюдателен и неподкупен. В сущности, ведь каждого человека подкупить легко: иного разжалобишь тем, что прикинешься дурачком, другого смягчишь обедом и партией винта, третьего собьешь с толку апломбом. Иван Петрович неподкупен. Он сдержан, сух, отлично знает человеческую натуру, и его провести не так-то легко. Ему, конечно, нет никакого дела до этого Персюкова, который не показывал к зачету какие-то там переходящие суммы; главное -- восстановить нарушенную идею справедливости и порядок.

Правда, в предстоящем деле придется проверять какие-то книги и суммы. Это тоже неприятная сторона поручения. Иван Петрович слышал, что есть на свете двойная и итальянская бухгалтерия, слышал также, что слово "*транспорт*" пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальше его сведения по этой части не простирались. И разве это так уже важно? Вовсе нет. Нужно только суметь сразу взять этого таинственного незнакомца, Персюкова, в руки, ошеломить его сухостью, величественным беспристрастием, и он сам покажет, что нужно. Что ни говорите, а знание людей -- громадное преимущество в руках того, кто им умеет пользоваться.

Таким образом, первые сутки дороги Иван Петрович был только справедлив, но на вторые благодаря тряске и утомлению он стал и озлоблен. Неизвестный Персюков сделался его личным врагом, подлежащим немедленному и самому жестокому распекаанию.

Наконец поезд остановился. Иван Петрович взял свой изящный чемоданчик (он не любил тратиться на то, что мог сделать сам), надел пенсне и, изобразив на лице совершенно такую же значительную мину, какую он привык видеть ежедневно на лице своего генерала, вышел на платформу.